

Сломанная кукла

Автор:

Амо Джонс

Сломанная кукла

Амо Джонс

Freedom. Клуб Элитных Королей #2Клуб Элитных Королей #2

Они солгали.

Они обманули меня.

Смирившись с тем, что мне остались лишь обрывки воспоминаний и беспорядочных мыслей из таинственного дневника, я ушла. «Короли» не властны надо мной. Их манипуляции больше не работают. Я всегда знала, как нужно действовать. Ведь этому меня учил отец.

Бежать.

Я лишь тень той девушки, которую они все знали.

Ложь и предательство меняют взгляды на жизнь.

Я Мэдисон Монтгомери, и я хочу сыграть в игру.

И вот что произойдет, если я выиграю...

Амо Джонс

Сломанная кукла

Amo Jones

The Broken Puppet

© 2017. The Broken Puppet by Amo Jones

© Солдатова П., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ПЛЕЙЛИСТ

Jason Derulo «Stupid Love»

The Weeknd «Or Nah»

Dead Prez «Hip Hop»

Avenged Sevenfold «Hail to the King»

Machine Gun Kelly «Bad Things»

The Game «It's Okay»

David Guetta «Where the Girls At»

Cheat Codes «No Promises»

Redman «Cisco Kid»

Cypress Hill «Tequila Sunrise»

Kendrick Lamar «Humble»

Tash Sultana «Jungle»

Tsar B «Escalate»

Tsar B «Myth»

Девушкам, которые прошли через ад, но вышли из него с огнем, пылающим в их душах, с окровавленными сердцами и с дьяволом за спиной.

Это для вас.

Для нас.

Возродите эту корону.

Да будет так.

Пролог

Мамочка? Я проскользнула за закрытую дверь своей спальни.

Когда я выглянула из-за угла, моя мама начала повышать голос, указывая пальцем на стоящего перед ней мужчину:

– Нет, это не было частью плана!

Мужчина улыбнулся так, что я крепче прижала к груди свою плюшевую игрушку Паппи.

– Вы не можете указывать. Она Венари. Вам придется сбежать, и в самое ближайшее время, если вы не хотите быть пойманной.

Мама сжала в кулаке медальон на груди.

– Она... – шептала мама, слезы катились по ее щекам. – Она всего лишь ребенок, Лукан. Она... она...

– Серебряный лебедь, Элизабет. Вы должны бежать. Сейчас же, пока Гектор все не узнал.

Мама с трудом вдохнула, в то время как я отступила назад и тихо вернулась в свою кровать. Скользнув под теплое одеяло, я свернулась в клубок и прижалась к Паппи. Это был подарок на мой день рождения от близкого друга семьи, и с тех пор я спала только с ней. На ней были надеты балетки и пышное платье, а лапки поднимались, стоило потянуть за ниточки, пришитые к ним. Услышав звук открывающейся двери, я зажмурила глаза, царапая указательным пальцем глаз-пуговицу Паппи. Плюш давно изнашивался, а веревочки, с помощью которых она поднимала лапки, порвались. Мне исполнилось семь, и я была слишком взрослой, чтобы спать с Паппи. Но я точно знала, почему этот человек здесь.

Он приходит каждую пятницу.

Я знаю, что он сделает дальше.

По комнате Мэдисон разливается едва уловимый запах крови. Рыдания сотрясают ее тело. Прижав колени к груди, она зажмуривает глаза, тщетно пытаясь отогнать воспоминания, преследовавшие ее каждую ночь. Так, словно она оказалась одна на темной, сырой, пустынной дороге, не имея возможности освободиться от того, что ее тяготило.

– Это часть тебя, Лебедь.

Голос, нарушивший тишину, заставил ее тело покрыться мурашками. Внезапно все вокруг изменилось, так, словно она смотрела на саму себя со стороны.

– Нет!

Мэдисон металась в его руках, пытаясь освободить запястья от крепкой хватки.

– Ш-ш-ш, Лебедь, ты себе не принадлежишь.

– Что? – Мэдисон ахнула, слезы потекли по ее щекам. – Что это значит?

Рука, сжимавшая запястья, переместилась к ее волосам и слегка потянула их вниз.

– Пожалуйста, не надо. Не сегодня, – умоляла Мэдисон, ее горло сдавливало от боли и унижения.

– Тебе лучше привыкнуть к этому, Лебедь. Это только начало.

– Но я маленькая.

– Это лучше, чем быть мертвой.

Затем он сорвал с нее штаны и швырнул их в угол комнаты. Она закрыла глаза и мечтала о другом дне, о том прекрасном дне, когда секреты их семьи не будут приходить в ее спальню вечером каждой пятницы. «Черная пятница» – так называла это Мэдисон. Она боялась его, презирала его и однажды надеялась пустить ему пулю между глаз. В первый раз он лишил ее девственности. И Мэдисон знала, что кровь, стекающая по ее невинным бедрам, не прольется без возмездия.

– Мэдисон? Ты уверена, что хочешь сбежать? – спрашивает Татум, глядя на меня с водительского кресла.

– Да, – отвечаю я, глядя в окно. – Я больше не могу находиться с ними рядом, Татум.

Она продолжает пристально посматривать на меня, выезжая на шоссе.

– Хочешь поговорить о том, что случилось?

Я включаю радио, надеясь заглушить ее вопросы. Начинает играть «Stupid Love» Джейсона Деруло.

– Поняла, не будем об этом, – бормочет Татум, переключая внимание на дорогу.

Я закрываю глаза и концентрируюсь на музыке. К черту любовь. К черту любые чувства, похожие на любовь. Единственный человек, который должен был безоговорочно меня любить, тоже оказался предателем. О чем это говорит? Я что, настолько непривлекательна? Или все они думают, что я не заслуживаю знать правду? Честно говоря, оба эти варианта – дерьмо.

Песня заканчивается, и я выключаю радио, понимая, что это Татум ни в чем не виновата.

– Ты не обязана сбегать со мной, Тат, но я не могу оставаться здесь, с ними, после всей этой лжи.

Она вздыхает.

– Мэди, я не оставлю тебя. Я знаю, что наша дружба развивалась очень быстро, но... У меня никогда раньше не было друзей, и мне немного... – ее лицо краснеет, прежде чем она поворачивается в мою сторону, – одиноко. Так что я тебя не брошу.

– Но ты понимаешь, что нам придется отказаться от всех кредитных карт? – напоминаю я, наблюдая за ее реакцией.

Пару секунд она обдумывает мои слова, но затем улыбка снова появляется на ее лице.

– Да, Мэди. Считаю, что их уже нет.

– Серьезно? – спрашиваю я, изогнув бровь.

– Ага. – Она кивает, и я почти ей верю. Но затем она невзначай добавляет: – Сразу после того, как я сниму несколько тысяч наличкой.

Смеясь, я качаю головой и снова включаю музыку. Что, черт возьми, мы собираемся делать?

– Итак, – начинает Татум, поправляя волосы одной рукой и одновременно держась за руль другой. – Нам нужно быстро вернуться к тебе домой и собрать все нужные вещи.

– Ты шутишь? – спрашиваю я, в ужасе от перспективы оказаться дома. – Нет, Тат, я не хочу туда идти.

Она смотрит на меня.

– Разве у тебя есть варианты, Мэди? Нам нужны паспорта и все остальное!

– Хорошо, – шепчу я и откидываюсь на сиденье, обдумывая решение. – Слушай, это, конечно, выстрел вслепую, но я обещаю, что если ничего не получится, то мы поедем ко мне домой и заберем все нужные вещи.

Татум вздыхает.

– Так, и куда мы едем?

Я сглатываю.

– В Риверсайд. В библиотеку.

Подъехав к школе, Татум паркует машину перед входом и поворачивается ко мне.

– Ты уверена, что это хорошая идея?

– Эм... – ищу подходящее слово, но безуспешно. – Нет.

Толкнув дверь, я выхожу из машины одновременно с Татум.

– Как хорошо, что я надела спортивную обувь.

Обойдя машину, она встает рядом со мной.

Я опускаю взгляд на ее ноги.

– Это не кроссовки, Татум.

Направляясь к школе, мы прокрадываемся мимо классов для девочек, нагибаясь под окнами, и пробираемся мимо бассейна прямо к библиотеке, расположенной за спортзалом. Когда мы оказываемся у входа для студентов, я прикладываю свой ученический пропуск, и дверь открывается. Внутри довольно тихо, несколько студентов слоняются между стелажам, но никто не обращает на нас внимания. Грохот захлопнувшейся двери нарушает характерную для школьной библиотеки гробовую тишину.

Мисс Винтерс резко поднимает голову, отрываясь от чтения книги. При виде меня ее глаза расширяются, в то время как я умоляюще на нее смотрю. Сдвинув очки на нос, она подходит ко мне и Татум. Я чувствую, что она напряжена и напугана.

– Девочки, чем я могу вам помочь?

Она фальшиво улыбается.

– Я знаю – это все, что я могу ей сказать.

Все это время я задавалась вопросом, что, черт возьми, происходит, только ради того, чтобы сейчас произнести эти два простых слова.

Мисс Винтерс делает паузу, склонив голову набок. Ее взгляд бегло скользит по моему плечу, прежде чем снова вернуться к моему лицу.

– Ты знаешь?

Не отводя глаза, я расправляю плечи.

– Я. Знаю.

В ту же секунду она с силой хватает Татум и меня за руки и толкает нас обратно к входу, через который мы только что зашли. Выставляет нас обратно на улицу и с шумом захлопывает за собой двери.

Выдохнув, она прижимает руку ко лбу и делает круговые движения, пытаясь успокоиться.

– Дерьмо.

Она вытягивает шею, закрывает глаза и выдыхает:

– Ты знаешь, что ты Серебряный лебедь?

– Серебряный кто? – тут же встречается Татум, нахмутив брови.

– Да, – шиплю я. – Но я понятия не имею, что, черт возьми, это значит, откуда вам об этом известно и почему все вокруг мне лгали.

– Я не могу... – Мисс Винтерс качает головой. – Мне очень жаль, Мэдисон, но я не могу в это вмешиваться. Это слишком опасно.

– Тогда вы поможете мне сбежать?

Мисс Винтерс поворачивается ко мне лицом.

– Ты не сбежишь от Королей, Мэдисон. Они убьют тебя.

Она заканчивает свою фразу почти шепотом.

– Меня все равно убьют. Во всяком случае, если я правильно поняла Книгу.

– Где эта книга? – спрашивает мисс Винтерс, нервно оглядываясь по сторонам.

– Она в моей сумке. Так вы поможете мне или нет?

Она делает паузу, смотрит мне в глаза, а затем вытаскивает из кармана телефон.

– Слушай, я знаю одного парня. Скажи ему, что тебя прислала Тинкер.

– Тинкер? – спрашиваю я, пока она что-то ищет в своем мобильном.

Она поднимает голову.

– Да, Тинкер.

Внезапно она делает паузу и опускает руки.

– Что?

– Просто... Послушай, если хочешь спастись, тебе нужно сделать все так, как я скажу. Обязательно возьми с собой все документы, которые ему понадобятся, иними со счета деньги. Это обойдется недешево. Ты не сможешь взять с собой больше десяти тысяч наличными, если полетишь международным рейсом, так что для началаними десять тысяч, а после еще восемь, чтобы получить от Бенни все необходимое.

Она диктует мне номер, и я быстро добавляю его в свой телефон.

– Он возьмет по четыре тысячи с каждой.

Она останавливается и смотрит на меня.

– Беги, Мэди. Беги и никогда не возвращайся, потому что, независимо от того, что думает о тебе Бишоп... – она смотрит мне в глаза, – это ничего не значит. Так же, как это ничего не значило и с Хейл.

– Что вы имеете в виду? Что вам известно о Хейл?

Ее лицо становится жестким.

– Я знаю, что он пустил ей пулю между глаз.

Глава 2

Вернувшись к машине Татум, мы садимся внутрь и едем к банку.

– Что, черт возьми, она имела в виду? Бишоп кого-то убил?

Татум широко открывает глаза, попеременно глядя то на меня, то на дорогу.

– Не думаю, что это была его первая жертва, – бормочу я, уставившись в окно.

– Ты так и не сказала мне, что видела в той комнате, Мэди.

Я хотела бы все ей рассказать, но какое-то странное чувство внутри не позволяет мне выдать Бишоп. Глупая девчонка – ругаю я себя. Но в любом случае для самой Татум будет безопаснее оставаться в неведении.

– Я действительно не хочу об этом говорить, Тат.

Она улыбается и гладит меня по руке:

– Мы сваливаем отсюда.

Подъехав к обочине, мы вылезаем из машины. Закрыв за собой дверь, я обращаюсь к Татум:

– Ты иди в свой банк, а я пойду в свой. Каждая из нас может провезти по десять тысяч. Так мы точно сможем сбежать.

Татум кивает, но что-то странное мелькает в ее глазах.

Я делаю паузу.

– Ты в порядке?

– Мы действительно сделаем это? – быстро спрашивает она.

– Ты все еще можешь отказаться. Я не хочу втягивать тебя в свои неприятности.

– Нет. – Она качает головой. – Я еду с тобой. Здесь меня ничего не держит.

Я грустно улыбаюсь.

– Хорошо, тогда все решено. Встречаемся на этом же месте через десять минут.

Татум кивает, и мы расходимся, направляясь к нужным нам банкам. Оказавшись у входа, я толкаю дверь и неожиданно в кого-то врезаюсь.

– Извините, – бормочу я, отходя в сторону.

– Мэдисон?

Я поднимаю глаза и вижу, что на меня смотрит Ридж.

– Ой, привет, – говорю я, глядя через его плечо. Нельзя задерживаться. Нужно сделать все как можно быстрее и без лишних остановок.

– Эй, я как раз собирался тебя искать. Ты что-нибудь слышала о Тилли? – спрашивает он, наклонив голову.

Я смотрю на него, на этот раз внимательно, и замечаю темные круги под покрасневшими глазами и растрепанные волосы.

– Нет, с тех пор как мы вернулись из хижины. А что? Что-то не так?

И тут осознаю, что действительно ничего не слышала о Тилли с нашей последней встречи. Я была так занята своими проблемами, что совсем забыла о других.

Он качает головой.

– Да, ее уже давно никто не видел.

– Я позвоню ей. Уверена, что она в порядке.

Конечно, с ней могло случиться что угодно, но это не исключает того, что все действительно в порядке. Судя по рассказам о ее отце, нет ничего удивительного в том, что она не захотела ехать домой.

– Хорошо.

Он вытаскивает свой телефон.

– Если не против, я дам тебе свой номер, чтобы ты смогла позвонить, когда что-то о ней узнаешь. Я просто хочу знать, что с ней все в порядке.

Я киваю, посматривая в сторону банкомата. Мне действительно нужно спешить.

– Конечно.

Он диктует свой номер, и я вбиваю его в телефон... Мой телефон! Вот черт!

– Если не сложно, – начинаю я, стараясь звучать спокойно, – не мог бы ты его записать?

Он поднимает на меня взгляд, но затем кивает, достает ручку и записывает номер у меня на запястье.

– Спасибо, я позвоню.

Отхожу от него и тут же мчусь к банкомату. Там чертова очередь. Кто бы сомневался.

Пятнадцать минут спустя я выхожу из банка, бросаю банковскую карту в мусорное ведро и возвращаюсь к машине.

Открывая пассажирскую дверцу, Татум улыбается мне со своего места.

– Я просто чертовски взволнована!

– Еще бы, – бормочу я, доставая телефон. – Поехали.

Я открываю бардачок, достаю блокнот и переписываю туда номер Риджа.

– Я позвоню Бенни.

Татум кивает, продолжая вести машину.

Около минуты я слышу гудки, но наконец в трубке раздается низкий голос.

– От кого ты?

– Э-э... э-э... – Я оглядываюсь в замешательстве. Что за странный способ отвечать на звонки. – От Тинкер?

Боже, как смешно произносить это имя вслух.

Пауза.

Тишина.

– За поворотом, на последнем отрезке 4-го шоссе.

– Э-э... Хорошо?

Он вешает трубку. Я молча смотрю на свой телефон, а затем перевожу взгляд на Татум.

– Что он сказал? – спрашивает она, глядя на дорогу.

– Нам нужно доехать до поворота на последнем отрезке 4-го шоссе.

Тат кивает.

– Я знаю, где это.

– Дай мне свой телефон. – Я протягиваю руку. – Тебе нужно сохранить какие-то номера?

Она делает паузу, ее глаза слегка стекленеют, прежде чем она снова расправляет плечи.

– Нет. Никто даже не заметит, что я пропала.

Я грустно улыбаюсь ей, а затем открываю окно и выбрасываю мобильник. Затем листаю свои контакты и записываю пару нужных номеров. Во время прокрутки мой палец останавливается на имени Бишоп, и мое сердце слегка замирает.

Пошел он.

Он убил не только Элли, но, по всей видимости, еще и Хейл. Я пропускаю его имя и продолжаю листать, пока не добираюсь до своего отца. Мое сердце сжимается с новой силой, но я не останавливаюсь и продолжаю прокручивать список.

Нейт.

Закрываю глаза и сжимаю телефон, чувствуя... разочарование? Грусть? Оба чувства одновременно? Снова опустив окно, я с закрытыми глазами выбрасываю мобильник из машины.

– Мне тоже никто не нужен.

Мы подъезжаем к почти заброшенному перекрестку шоссе, и я замечаю, что он совсем пуст – уже вечер, послеполуденное солнце проскальзывает сквозь широкие ветви деревьев, растущих на окраине города.

– Здесь никого нет. Так тихо.

– Слишком тихо, – добавляю я.

Мы останавливаемся, и я выхожу из машины, хлопая дверью.

Татум опускает окно.

– Мэди! Черт возьми, ты можешь хотя бы сегодня не изображать из себя крутую? Я не хочу умирать прямо сейчас. Или еще когда-то.

Я закатываю глаза.

– Мисс Винтерс дала нам номер этого чувака. Она бы нас не обманула.

– Вы очень доверяете мисс Винтерс, – произносит чужой голос, и из тени ко мне направляется чья-то фигура.

Я оборачиваюсь и вижу, как к нам приближается мужчина. На нем надета толстовка с капюшоном и рваные темные джинсы, и, должно быть, ему чуть больше сорока лет.

– У нас нет другого выхода.

Он понимающе кивает. На первый взгляд ничего подозрительного.

– Я связался с Тинкер. У меня есть все документы для вашего отъезда.

– Так быстро!

– Я знаю нужных людей. Вот почему я так много беру.

Я пожимаю плечами, не нуждаясь в подробностях.

– Дайте посмотреть. – Он протягивает мне две папки с документами. На одной из них написано «Амира», а на другой «Аталия». Фамилии одинаковые. – Мы сестры? – Я вопросительно смотрю на Бенни. – Амира и Аталия Мэддокс? Вы не могли придумать что-то попроще?

Бенни смотрит на меня невозмутимым взглядом.

– Отдайте деньги.

Я вытаскиваю толстый конверт и передаю ему. Он достает наличные и быстро их пересчитывает.

– Я так понимаю, здесь вся сумма?

– Конечно. Можете быть уверены.

Он делает паузу, наблюдая за нами в течение секунды, а затем, кажется, удовлетворяется моим ответом.

– Этого не было. Счастливого пути, Амира.

Я Амира? Конечно, теперь это я. Глупое вычурное имя, которое мне вообще не подходит.

Возвращаясь к машине, распаиваю дверцу и протягиваю Татум папку, на которой написано ее новое имя.

– Держи, Аталия.

Она усмехается, но затем ее улыбка исчезает.

– Серьезно?

– Еще как серьезно.

– Черт. Ладно, поехали.

Она включает первую передачу, и мы едем в ближайший аэропорт.

Уже через час мы паркуемся в гараже. Выйдя из машины, мы обе направляемся к зданию с сумками в руках – я со спортивной, а Татум со своей маленькой сумочкой.

– Куда мы едем? – спрашивает Татум, глядя на меня.

Я пробегаю глазами по рейсам. Улыбаясь, толкаю ее локтем.

– Сколько понадобится времени, чтобы получить визу?

Глава 3

Получить визу оказалось довольно просто. В аэропорте установлен киоск, и, поскольку страна, в которую мы летим, имеет прямое соглашение с Соединенными Штатами, все, что от нас потребовалось, – заполнить онлайн-анкету – и готово: наш запрос сразу же одобрили.

– Не могу в это поверить, – шепчет Татум. – Мы едем в Новую Зеландию? Ты не могла выбрать другую страну, например... Дубай?

Я поворачиваюсь к ней лицом.

– Думаешь, им понравились бы наши документы?

Она вздыхает.

– Да, ты права.

– И кроме того, – добавляю я, – я даже не слышала о Новой Зеландии. И Бишоп, скорее всего, тоже. И еще... – я смотрю в ее неблагодарные глаза, – или это, или какой-нибудь захудалый городишко в Индонезии или Таиланде.

– Мы могли бы сделать в Таиланде дешевые сиськи.

Я закатываю глаза, и в это же время голос над головой объявляет название нашего рейса.

Смотрю на Татум, и мое сердце выпрыгивает из груди.

– Ты готова?

Она поднимает на меня глаза и берет меня за руку.

– Да... да, я готова.

Два месяца спустя

– Ну, не знаю, Та... Аталия.

Татум улыбается мне, выходя из-за барной стойки в обтягивающих шортиках и кружевном лифчике, выглядывающем из-под короткого топа.

– Ты же знаешь, что можешь здесь работать.

Она кивает в сторону стриптизерши. Мы здесь уже два месяца и, надеюсь, останемся еще на пару, но мне нужно найти работу, чтобы чем-то себя занять.

Я оборачиваюсь и ухмыляюсь.

– Может, мне уже все равно, но даже в этом случае я не собираюсь крутиться на шесте.

Я делаю глоток из своего стакана и откидываюсь на спинку стула, изучая лежащий передо мной лист бумаги и прокручивая в руках карандаш. Сейчас здесь 12 часов дня, значит, дома уже 20:00.

С тех пор как мы сюда приехали, я и Татум живем в маленькой квартирке прямо на побережье. Приземлившись в Окленде через тринадцать часов после посадки в самолет, мы сразу же купили небольшой буклет о стране. Единогласно решив, что мы хотим жить рядом с пляжем, мы вознамерились найти уютное место, которое заменило бы нам дом. Так мы и нашли этот небольшой городок посреди острова под названием Маунт Маунгануи. Я до сих пор не научилась правильно произносить его название, поэтому, как и местные жители, называю его просто «Маунт».

Здесь очень красиво. Песчаные пляжи, высокие волны, небольшие магазинчики и ряд домиков прямо вдоль побережья. Чтобы проехать всю полосу береговой линии, нужно около десяти минут на машине, а сразу за ней вы найдете городок под названием Папамоа. Новозеландцы дружелюбны – иногда даже слишком дружелюбны, – еда свежая, а воздух такой, будто постоянно находишься в SPA. Это прекрасно. Но я не могу найти работу с тех пор, как мы приехали. Квартира, в которой мы живем, представляет собой небольшую простенькую студию, но стоит она целое состояние. Оказывается, жить в этом городе не так уж и дешево. Конечно, ведь мы с Татум додумались выбрать один из самых дорогих городов во всей Новой Зеландии. Она сразу нашла работу барменом-стриптизершей за наличку – я не шучу. Я люблю Татум, но не могу не видеть, как она медленно теряет себя.

Может, это происходит и со мной?

Всякий раз, когда я пытаюсь копнуть внутрь себя в поисках своих истинных чувств, я остаюсь ни с чем. У меня не осталось чувств. Пару раз я даже думала о том, чтобы принять предложение Татум и присоединиться к ней в качестве стриптизерши, но потом вспомнила, что ни хрена не умею танцевать и моя задница трясется чуть больше, чем следует.

– Хороший рисунок, – прерывает мои мысли сидящий рядом парень, указывая на мой лист бумаги.

– Спасибо, – бормочу я, протягивая руку к своему стакану.

– Сколько времени ты это рисовала?

– Хм. – Я делаю глоток и снова смотрю на него. – Около двадцати минут.

Он хмурится.

– Могу я взглянуть?

Я киваю.

– Да, конечно.

Протягиваю ему листок, наблюдая, как меняется выражение его лица. У него чуть лохматые, но хорошо уложенные светло-каштановые волосы, щетина, прямой заостренный нос, оливковая кожа, довольно широкие плечи и квадратная челюсть. Одет он в темную кожаную куртку, из-под которой виднеется простая белая футболка, темные джинсы, кожаные браслеты на запястьях и тяжелые байкерские ботинки. Боже, пожалуйста, только не будь байкером.

– Да это чума!

Он ухмыляется, изучая мой последний рисунок. Я не совсем понимаю, что означает «чума», кажется, это какой-то новозеландский жаргон. На рисунке я изобразила наполовину распустившийся розовый цветок лотоса. Посередине находится пуля, которую окружают лепестки. Я еще не доработала тени, но в целом вышло неплохо.

– Спасибо, – смущенно отвечаю я.

Он внимательно на меня смотрит.

– Я слышал, ты говорила своей... – он смотрит на Татум, крутящуюся на шесте, – ...подруге, что ищешь работу?

– Ага. – Я киваю. – Мы из Америки.

– Путешествуете?

– Что-то в этом роде, – отвечаю я, натягивая улыбку.

– Джесси. – Он протягивает мне покрытую татуировками руку.

Жму ее, удивляясь мягкости его ладони, не соответствующей грозному внешнему виду.

– Амира.

– Амира? – Он усмехается. – Довольно сексуально.

– Ха! – Я нервно смеюсь. – Возможно.

Он флиртует? Не могу его понять.

Его ухмылка превращается в лукавую улыбку.

– Вот. – Он протягивает свою визитку через барную стойку. – Я хозяин Inked, тату-салона двумя магазинами дальше. – Он указывает на мой рисунок. – Возьму тебя на работу, если хочешь.

– Что? – недоверчиво бормочу я. – Я никогда не делала людям татуировки!

Он качает головой.

– Зато я делал и делаю, а ты чертовски хорошо рисуешь. Могу и тебя научить. Или ты просто будешь рисовать для меня эскизы. Я работаю только по индивидуальным заказам, так что ты будешь разрабатывать эскизы для каждого клиента по их собственным пожеланиям. Улавливаешь, о чем я?

Я сглатываю.

– Черт.

– Боишься? – Он снова улыбается мне, изогнув темную бровь.

– Что-то вроде того.

– Привет! – Татум подходит к нам, придерживая купюры, набитые в ее бюстгальтер. Господи, что за девчонка. Она улыбается и смотрит на Джесси, а глаза блестят, как фейерверки Четвертого июля[1 - Четвертое июля – День независимости США, считается днем рождения Соединенных Штатов как свободной и независимой страны.]. Она тут же протягивает ему руку.

– Я Аталия!

Джесси смотрит на нас обеих.

– Просто похожие имена или..?

– Мы сестры, – чирикает Татум, хватается за стойку, вскакивает и усаживается на нее задницей. Джесси подходит к ней, поднимает ее за подмышки и качает головой.

– В этой стране не сидят на столах, девочка.

Я хихикаю, глядя на обиженное лицо Татум.

– Хорошо, – говорю я Джесси, и его взгляд тут же возвращается ко мне. – Я имею в виду, – исправляюсь я, – не знаю, действительно ли подхожу для этой работы, но хочу попробовать. Так как... я была близка к тому, чтобы подняться, – я указываю на сцену, – вон туда.

Он усмехается.

– Хорошо, тогда пойдем.

Он кивает в сторону входной двери, и я смотрю то на нее, то на него, то снова на дверь.

– Ты же не убийца?

– Ты все равно не узнаешь, пока не пойдешь со мной.

Делаю паузу и смотрю на него, а затем допиваю свой напиток и встаю с табурета.

Повернувшись к Татум, я улыбаюсь.

– Я скоро вернусь.

Она пожимает плечами и возвращается на сцену. Вместе с Джесси я выхожу за дверь. Прохладный летний воздух сразу же бьет мне в лицо. Он наклоняет голову в сторону тротуара.

– Ты ведь не убьешь меня сейчас, да? – смеюсь я, засовывая руки в карманы джинсов.

Он смеется, откинув голову назад.

– Это Новая Зеландия, детка. Ты в безопасности.

Судя по тому, что я видала, тут и правда безопасно.

Мы идем по тротуару, пока не оказываемся у магазина, фасад которого выкрашен черной краской с красными вертикальными полосами. Джесси вытаскивает ключи, отпирает дверь и проводит меня внутрь.

Включив свет, он делает пригласительный жест рукой.

– Тут чисто! – Это первое, что приходит мне в голову, и я, конечно же, говорю это вслух.

Джесси усмехается, закрывая за собой дверь, чтобы отгородиться от шума байкеров на главной улице.

– Да, так и должно быть.

Он наклоняет голову и идет вперед к темному бетонному прилавку. Все оформлено в деревенском стиле с долей современности. Полы покрыты глянцевой плиткой, а кресла – черной кожей с замысловатыми узорами, вырезанными на подлокотниках. Все кабинки для татуировок открыты, но есть возможность задернуть занавеску. Сзади также есть отдельная комнатка.

– Это для пирсинга, – бормочет Джесси, протягивая мне пиво, когда замечает, что я смотрю на кабинку.

– Спасибо. – Я беру бутылку. – Так чего именно ты от меня хочешь?

Он делает глоток и смотрит на меня.

– Когда приходят клиенты, ты можешь сидеть рядом с ними во время консультации, слушать то, чего они хотят, и рисовать для них эскиз. Просто рисовать.

– Хорошо, а когда у тебя нет клиентов? – спрашиваю я, внимательно наблюдая за ним.

У него на лице есть пара родинок, которые мгновенно привлекают мое внимание, поэтому я быстро отвожу взгляд, не желая, чтобы он это заметил. Он очень горячий. В нем есть грубая мужская сексуальность. Интересно, сколько ему лет.

– Тогда ты можешь стоять на стойке регистрации. Я предлагаю почасовую оплату плюс процент за рисунки – и все наличными.

Я обдумываю его предложение, одновременно разглядывая картины, висящие на стенах.

– Думаю, я согласна.

Он делает шаг вперед, засунув руки в передние карманы джинсов и наклонив голову.

– Расскажи свою историю.

Глубоко вдохнув, я подношу бутылку ко рту и делаю глоток.

– У меня ее нет.

– Хорошо, тогда как давно ты в Новой Зеландии?

– Пару месяцев. И планирую остаться еще на столько же. Поэтому, пожалуйста, не думай, что это навсегда. Мне очень не хотелось бы произвести неправильное впечатление.

Уголок его рта слегка приподнимается.

– Я не очень люблю постоянство.

Я скольжу взглядом вверх и вниз по его телу, не в силах скрыть свое влечение, и каждый раз ловлю себя на одной мысли: «Я и правда могу это сделать». Да, я могла бы найти мужчину просто для того, чтобы провести с ним время, но Бишоп всецело владеет моим телом и моими мыслями. Это несправедливо, учитывая то, как он со мной поступил, но я не в силах его отпустить. Еще слишком рано.

Я останавливаю его рукой, чувствуя, что он собирается приблизиться.

– Пожалуйста, не надо. Не сейчас.

Он усмехается.

– Да, еще не время.

Вручая ему свое едва отпитое пиво, я улыбаюсь.

– Я лучше пойду. Увидимся завтра.

– Ага, приходи в девять утра, – соглашается он.

Я киваю, разворачиваюсь и выхожу за дверь. Решив прогуляться до дома пешком, а не ехать на такси, я оказываюсь неподалеку от главного пляжа. Спускаясь по песчаным ступеням, вдыхаю густой солоноватый океанский воздух и закрываю глаза, погружаясь в звуки плещущихся волн и стрекота сверчков в листве деревьев. Новая Зеландия прекрасна, в этом нет никаких сомнений. Но я скучаю по своему дому в США. Я не знаю, что там происходит сейчас. Никто меня не нашел, а может, никто и не искал – не знаю, что из этого правдивее.

– Ты в порядке? – Татум спускается по ступенькам и подходит ко мне. Я сажусь на песок и прижимаю колени к груди, мои волосы спадают на плечи.

– Не совсем.

Тат плюхается рядом со мной, ее тонкая накидка плотно облегает тело.

– На тебе хотя бы есть нижнее белье?

– Что? – Она невинно хлопает ресницами. – А, конечно! А еще... – Она вытаскивает бутылку виски и что-то определенно напоминающее самокрутку. – Тадам!

Я качаю головой и смеюсь.

– Ты просто сумасшедшая, ты в курсе?

– Я знаю, – вздыхает она, кладя голову мне на плечо. – Будешь сходить с ума со мной?

Я сглатываю, глядя на черный океан, гадая, что скрывается за темным полотном воды.

– Да, думаю, это именно то, что мне сейчас нужно.

Мысли о Бишопе и моем отце терзали меня с тех самых пор, как мы покинули США. Может, Татум легче все это пережить, потому что она всегда под кайфом или пьяна – или занимается сексом. И хотя я не готова к сексу с другими – даже не знаю почему, ведь мы с Бишопом не были парой, – я все еще чувствую, что предаю его. Почему, черт возьми, меня волнует, обманываю ли я его? Он предал меня! Он лгал, манипулировал и убил человека. Он просто...

– Тат, пусть это прекратится, – шепчу я сквозь подступившие к горлу слезы.

Одинокая слезинка скатывается по моей щеке, и Татум ловит ее указательным пальцем. Затем она берет меня за подбородок и поворачивает лицом к себе. Она смотрит мне в глаза и на секунду кажется совершенно трезвой.

– Мы справимся с этим вместе, Мэди.

Сглотнув, я киваю и беру у нее сигарету. Поджигая ее, зажимаю губами и глубоко вдыхаю, чувствуя, как мои легкие вспыхивают огнем, а горло заполняет густой дым. Выпуская дым, я закашливаюсь и выхватываю виски из рук Татум, передавая ей сигарету. Открутив крышку, хлопаю себя по груди, подношу горлышко к губам и делаю большой глоток, позволяя дешевому виски обволакивать мое и без того пересохшее горло.

Татум падает на спину, зажав сигарету между губами, и я ложусь рядом с ней; над нами простирается темное звездное небо, бутылка виски зажата в моих пальцах, а наши волосы беспорядочно рассыпаны по песку.

– Как думаешь, Тат, это что-нибудь для него значило? – шепчу я, наклонив голову и рассматривая Южный Крест[2 - Созвездие южного полушария неба в форме креста.], сияющий в небе.

– Для Бишопы? Нет. Для Нейта? Да.

Она громко кашляет. Я продолжаю пить, пока горло не начинает неметь от обжигающего виски, моя голова пульсирует от опьянения. Татум снова передает мне сигарету.

– Извини, Мэди. Я не думаю, что он способен на чувства. Но я бы не стала принимать это на свой счет. Ему плевать на всех на свете.

Я втягиваю дым, на этот раз задерживая его чуть дольше, чтобы усилить эффект, а затем медленно выдыхаю.

– Какого хрена я не могу спать ни с кем другим.

– Это пройдет, детка. Ему было все равно. Но я прекрасно знаю, что это значило для тебя.

– Я идиотка.

– Нет. – Татум качает головой, протягивая мне виски. – Нет, это не так. Ты Мэдисон Монтгомери, и ты чертова богиня, которая способна на настоящие чувства, Мэди. Это дорогого стоит. Многим людям этого не хватает.

– Была способна, – шепчу я, мои слезы уже высохли. – Они использовали меня как марионетку. Теперь я сломана.

– Сломана, но все еще горяча. И кое-кто, кстати, нашел себе горячего тату-мастера!

Я смеюсь, прикусывая нижнюю губу.

– Он неплох, да?

– Неплох? – Татум выглядит возмущенной. – Дорогая, он явно из тех, кто может всю ночь.

– Ты уже решила, куда мы поедem дальше?

Мой голос кажется невнятным бормотанием, и я прищуриваюсь, пытаюсь сфокусироваться.

– Мммм, может, Милан?

– Испания? – спрашиваю я шокировано. – А как насчет Лондона? Может быть, в Бристоль?

– Почему?

– Не знаю. Просто хочу найти горячего британского парня.

– Чтобы потрахаться или чтобы снова жаловаться мне на то, что ты не можешь спать с другими парнями?

Я смеюсь, толкая ее в плечо.

– Тихо ты. Пойдем.

Я поднимаюсь с песка и тяну за собой Татум. Мы обе едва держимся на ногах и... я падаю. Плюхаюсь обратно на песок, чувствуя ушибленной задницей твердую землю.

– Черт! – ругается Татум сквозь смехок.

Я не выдерживаю. Из меня вырывается оглушительный хохот, и я хватаюсь за живот.

– Черт возьми! – мотаю я головой, мои щеки болят от смеха.

– Да, такого хохота я уже давно не слышала. – Татум держится за живот, вытирая слезы с глаз.

– Обещаю, что ты будешь слышать его чаще.

Глава 4

– Доброе утро, красотка! – Татум входит в мою комнату с зажатой между пальцами сигаретой.

– Доброе утро, – отвечаю я, натягивая коротенькие шорты и облегающую майку. – Это не слишком?

– Чушь! – Татум перечеркивает мою неуверенность, делает шаг вперед и предлагает затянуться. Затем она бесцеремонно поправляет мою грудь и ерошит мне волосы. – Это же тату-салон!

Я подношу сигарету к губам и делаю затяжку.

– И правда! – соглашаюсь я, перед тем как вернуть ей сигарету и выйти в гостиную.

Наша квартира – или апартаменты, как их здесь называют, – совсем небольшого размера. В ней две спальни, небольшая гостиная и мини-кухня с видом на побережье и пляж. Она обходится нам в целое состояние, но Татум очень хотелось тут жить, и, поскольку на тот момент она единственная зарабатывала деньги, я поддалась на ее уговоры. Сейчас наше материальное положение довольно стабильное, в первую очередь благодаря тому, что Татум и правда много работает. Наша маленькая кухня выполнена в горчично-желтом цвете, а гостиная – в нейтрально-бежевых оттенках. Это типичный прибрежный домик, а семья, у которой мы его арендуем, также владеет баром, в котором работает Татум. Это сработало в нашу пользу, так что можно сказать, что нам действительно повезло.

Налив себе кофе, я подношу его к губам.

– Работаешь сегодня вечером?

Татум кивает.

– Ага. А ты во сколько заканчиваешь?

Я качаю головой.

– Не знаю. Мы почти ничего не обсуждали.

– С Джесси? – спрашивает Татум. – Он кажется интересным, правда? Он из Новой Зеландии?

– Не знаю и не собираюсь узнавать.

– Он похож на кубинца или на кого-то в этом роде.

– Ты закончила? – спрашиваю я, замечая, как Татум засмотрелась на небо, закинув ноги на деревянный журнальный столик.

В нашей квартире есть вся необходимая мебель. Диваны, холодильник, кровати. Телевизора нет, но он нам и не нужен.

– Ладно, увидимся после работы.

Я машу Татум, которая все еще докуривает сигарету. Прикинув, что до главной улицы идти минут десять, я решаю добраться пешком, а не ехать на автобусе. Экономия и все такое. Я оказываюсь на месте уже спустя пять минут и, глубоко вдохнув, толкаю дверь и захожу внутрь. Играет какая-то незнакомая рок-песня, но мне это даже нравится. Я подхожу к стойке регистрации, где сидит девушка с черными как смоль волосами и кучей татуировок.

– Привет, – говорю я ей.

Она смотрит на меня из-за компьютера.

– Привет! Чем могу помочь?

– Она со мной, – объясняет Джесси, выходя из одной из закрытых кабинок.

Я знаю, он не имел в виду, что я его, но все равно морщусь. Боже, я поморщилась. Я полная идиотка. Хочу провалиться сквозь землю.

– Новая девушка? – спрашивает у Джесси темноволосая девушка.

Джесси кивает.

– Да, это Амира. Она та самая художница, о которой я рассказывал тебе прошлой ночью.

– А, точно! – восклицает она, щелкая пальцами. – Привет! Я Кириана!

– Ки... что? – спрашиваю я, широко раскрыв глаза. – Извини, я... ты не могла бы повторить?

Она смеется и хлопает по стулу рядом с собой.

– Кири, почти как Китти, только с буквой «Р» и «-ана», как... в общем, просто Ана!

– Кириана? – говорю я, понимая, как нелепо это звучит с моим акцентом. Из-за него я, в конце концов, просто произношу имя по частям: Ки-ри-ана.

Она со смехом отмахивается.

– Ты научишься. Проходи, садись. Покажешь мне свои рисунки.

Джесси подмигивает мне и возвращается в кабинку. Нарисовав эскизы для двух клиентов, я заканчиваю работать в 17:00. Поднимая сумку, я киваю головой в сторону Джесси.

– Спасибо за сегодня. Это было мне необходимо.

– Без проблем. – Он снова подмигивает.

Я улыбаюсь и выхожу за дверь, направляясь прямо к бару, в котором работает Татум.

Толкнув двери, оказываюсь в полупустом помещении. Из-за раннего времени здесь всего несколько человек, не то что в вечерние часы.

– Привет! – Татум улыбается, подзывая меня к бару.

Я ухмыляюсь и иду к ней. Мне нужно любым способом выкинуть Бишопа из головы, и пока в качестве помощника я выбрала алкоголь. Присаживаясь, Татум наливает мне шот и придвигает его ко мне.

– Пей до дна, красотка! – чокаюсь с ее стаканом и выпиваю шот залпом.

– Да. – Я ухмыляюсь. – До дна! – говорю я и со стуком ставлю рюмку на барную стойку. По бару разносится «Or Nah» The Weeknd, и я хлопаю ладонью по столу. – Еще один!

– Вот это настрой, – визжит Татум, наливая мне еще одну порцию. Она крутит бутылку между пальцами, как настоящий профессионал, пока я выпиваю свой шот. – Где ты этому, черт возьми, научилась?

– Неплохо, да?

Она делает это снова, и я закатываю глаза.

– Хвастаешься, – поддразниваю ее я, выпивая очередную порцию.

Спустя несколько часов и много выпитых рюмок я встаю с барного стула, чувствуя, как из-под ног уходит земля.

– О-о-о-х.

Я хватаюсь за край своего табурета, оглядывая теперь уже полный бар людей.

Перегнувшись через стойку, я врезаюсь в Татум.

– Мне надо пописать. Скоро вернусь!

Она кивает, отталкивая меня. На фоне начинает играть «Hip Hop» группы Dead Prez, пока я протискиваюсь сквозь толпу, направляясь напрямиком в туалет. Зайдя в одну из кабинок, стягиваю штаны и облегченно вздыхаю. Сидя на унитазе, я слышу звонок и вытаскиваю из кармана свой одноразовый телефон[3 - Телефон,

рассчитанный на определенное количество звонков; обычно приобретается для конспирации.]. Кто вообще знает этот номер?

– Алло? – бормочу я и улыбаюсь тому, насколько же я пьяна.

– Думала, что сможешь сбежать от меня, котенок? Н-е-е-е-т.

Я вскрикиваю, сбрасываю звонок, быстро встаю и натягиваю штаны. Схватив мобильник, бросаю его в унитаз, яростно смываю, а затем выбегаю из кабинки, чувствуя, как мое сердце выпрыгивает из груди. О боже! Откуда Бишоп узнал мой номер?

Его голос.

Проталкиваясь сквозь толпу, смотрю прямо на Татум, до тех пор пока не сталкиваюсь с ней лицом к лицу.

– Нам нужно уехать.

– Что? – непонимающе спрашивает она, заглушаемая громкой музыкой.

– Нам. Нужно. Уехать. Сейчас же! – Я почти кричу, хотя мои слова трудно разобрать из-за алкоголя.

Она смотрит мне в глаза, пока к ней наконец не приходит понимание.

– Черт.

– Да, черт возьми, именно так.

Она кивает, стягивает фартук и бросает его на пол. Подбегая ко мне, она хватается бутылку, и мы спешим из бара.

Джесси.

Дерьмо. У меня даже нет времени сказать ему, что не вернусь. Может, я могла бы оставить записку под дверью салона. Нет, я не могу так рисковать.

Мы ловим такси до нашего дома и, как только попадаем внутрь, тут же вытаскиваем дорожные сумки. Я бегу в ванную, собираю все свои туалетные принадлежности, а затем иду в туалет, достаю маленький сейф, в котором храню деньги, и бросаю его в сумку. Убедившись, что все мои вещи собраны, я иду к Татум.

– Готова? – спрашиваю я.

Она кивает, держа чемодан.

– Да, вот же дерьмо.

Я смотрю на свой чемодан, а затем снова на чемодан Татум.

– Это был Бишоп. Как он нашел мой номер?

– Мэди, я уже говорила. Они владеют школой и умеют использовать людей.

– Думаю, они все еще хотят меня убить.

– Убить тебя? – спрашивает она, потрясенная.

Покачивая головой, я улыбаюсь, пряча хмурый взгляд, и поворачиваю голову к двери.

– Думаю, нам пора в Бристоль.

Глава 5

Раздвижные стеклянные двери открываются навстречу прохладному воздуху – куда более прохладному, чем в Новой Зеландии. Уже почти декабрь, поэтому в

этой части страны уже довольно холодно, в отличие от Новой Зеландии, где в декабре – жаркое лето. Хотя особого выбора у нас и не было. Татум подходит ко мне, стуча зубами.

– Боже, давай в следующий раз выберем место потеплее.

Я улыбаюсь ей и подзываю рукой такси, подъехавшее к обочине. Машина останавливается чуть впереди, и я бегу к приоткрытому окну.

– Вы свободны?

Таксист кивает.

– Ага!

Затем он открывает багажник, чтобы мы могли положить туда свои сумки.

– Где именно мы остановимся? – шепчет Татум.

Я пожимаю плечами и кладу чемоданы в багажник.

– Я не знаю. Думаю, мы просто попросим его отвезти нас в дешевый мотель или что-то в этом роде.

– Хорошая идея. – Татум кивает, садясь на заднее сиденье.

Спустя несколько дней после того, как мы нашли неплохое место для ночлега, мы с Татум сидим в баре. Из массивных динамиков доносится «Hail to the King» Avenged Sevenfold. Я делаю глоток из своего стакана, и Татум мне подмигивает.

– Думаю, мне здесь понравится.

Она оглядывается, пока ее взгляд не останавливается на двух парнях, которые явно нас рассматривают.

– Пошли. – Она ухмыляется, хватая меня за руку.

– Тат...

– Мэди, ради бога, когда ты наконец забудешь про Бишопа? Он лжец и не заслуживает тебя! – Ее руки поднимаются к моим щекам. – Давай, повторяй за мной.

Я прикусываю нижнюю губу, сдерживая смех.

– Бишоп Винсент Хейс – придурок, – спокойно говорит она, ожидая, что я повторю за ней.

Из-за выпитого алкоголя у меня вырывается глупый смешок.

– Бишоп Винсент Хейс – придурок.

– Молодец, красотка, а сейчас... – Она откидывает голову назад, выпивая свою порцию одним глотком. – Стоит подумать о парнях.

Она тянет меня через толпу людей, пока мы не оказываемся перед двумя парнями, которые раздевали нас глазами.

– Привет, мальчики. – Татум усмехается. – Кто из вас сегодня покупает нам выпивку?

Они оба вскакивают со своих стульев.

– Хитро, – хихикаю я себе под нос.

Совсем не в моем вкусе.

Земля начинает кружиться у меня перед глазами, в то время как один из парней притягивает меня к себе.

– Хочешь потанцевать, малышка?

Малышка? Я пожимаю плечами, это ведь просто танец. Он тянет меня на середину танцпола как раз в тот момент, когда начинает играть «Bad Things» Machine Gun Kelly. Конечно, такая музыка располагает к чему-то личному, ну да ладно. Мы не в ночном клубе, это обычный бар. Он находится прямо под комнатой, в которой мы остановились, и нам просто захотелось провести здесь время. Парень снова притягивает меня к своей груди – груди, полностью противоположной груди Бишопы. Она мягче, чем хотелось бы, и когда я смотрю вниз, то замечаю его пивной животик.

Какой ужас. Нет, я не могу этого сделать.

– Извини, – я отталкиваю его от себя, – я не могу.

– Ерунда. – Он усмехается, брызгая слюной.

– Нет, – снова отвечаю я, надавливая на его грудь. – Мне не хочется.

Он хватается меня за запястье и снова притягивает к себе.

– Эй! – кричу я, уже не скрывая недовольство.

Где Татум? Я оглядываюсь, но нигде не могу ее найти. Он тащит меня к задней двери, над которой мигает табличка «выход».

– Нет!

Я пытаюсь вырвать свою руку из его хватки, но безуспешно. Он грубо тащит меня за собой, и я оглядываюсь, надеясь, что хоть кто-то нас заметил, но оглушительная музыка и толпа людей делают нас совершенно незаметными. Добравшись до двери, он толкает ее, и я почти теряю сознание. О нет.

– Прекрати, – стонет Татум вдалеке.

– Татум! – Я всматриваюсь вглубь темного переулочка и вижу рядом с ней другого парня, задирающего ей платье.

– Маленькие американские шлюшки, – бормочет вцепившийся в меня парень. – Мы вам покажем.

– Нет! – кричу я, толкая его в грудь.

Боже мой, почему именно сейчас мои конечности напоминают желе и почему я вся горю? Я сжимаю бедра, пытаюсь успокоиться, но ничего не получается. Во всяком случае, легче мне не становится. Я бросаюсь к жирному уроду и вцепляюсь ему в лицо, чувствуя, как его плоть застревает у меня под ногтями.

– Маленькая тварь!

Он толкает меня к стене, и моя голова с треском ударяется о кирпичи.

– Татум, очнись. Останься со мной. – Парень, который ее держит, стягивает с нее трусики. В это же время парень, который прижал меня к стене, тянется к моим бедрам.

– Отвали от меня, жирная сволочь!

Я не буду плакать. Ни за что, черт возьми, не буду плакать. Я смотрю ему прямо в глаза.

– Если ты подойдешь ко мне со своим жалким отростком, который ты называешь членом, я на хрен его оторву.

Он смеется.

– Сомневаюсь в этом, дорогая.

Затем он срывает с меня трусики, грубо обхватывает верхнюю часть бедер, в то время как кончики его пальцев впиваются в мою плоть.

– Давай же, откройся, будь хорошей девочкой.

Я с силой плюю ему в лицо, как раз в тот момент, когда вдалеке раздается выстрел. Кровь и мозги разбрызгиваются по всему моему лицу. На долю секунды его глаза широко распахиваются, а затем он замертво падает на землю с негромким стуком. Из меня вырывается леденящий кровь крик, а затем раздается еще один выстрел, и парень, который держал Татум, падает на землю, обрызгав ее кровью.

Татум кричит, а я падаю на землю, погружаюсь в черноту. Чьи-то руки обхватывают мое тело, и прежде, чем мной овладевает сон, я слышу:

– Черт возьми, идиотка.

Глава 6

Я открываю глаза, не понимая, где нахожусь. Перед глазами начинают мелькать воспоминания. Я задыхаюсь, втягивая воздух. Рядом со мной на кресле сидит Бишоп.

Черт.

– Удивлена? – спрашивает он, изогнув бровь.

Я прочищаю горло.

– Ну, на самом деле нет.

Он сжимает челюсти, явно расстроенный.

– Вот и все. – Он качает головой, шепча себе под нос. – Я запру тебя в подвале, пока это дерьмо не будет улажено.

– Что? – вскрикиваю я, чувствуя металлический привкус на языке. Прикасаюсь к губам, и воспоминания мгновенно захлестывают мой мозг. – О боже! – Я наклоняюсь, зажимая рот рукой.

– Господи, котенок, в окно!

Я вслепую нащупываю кнопку и высовываюсь из машины.

– Ты, ты убил их!

– Да.

– Ты убиваешь людей?

– Да.

– Почему?! – кричу я, чувствуя подступающую к горлу рвоту и снова высовываюсь в окно, выплескивая в ночной воздух все съеденное за день. Откинувшись назад, вытираю рот и смотрю на него затуманенным взглядом. – Почему, Бишоп?

– По причинам, которые ты никогда не поймешь, Мэдисон.

Он смотрит на Татум, лежащую на сиденье перед нами. Не знаю, в чьем лимузине мы находимся. Все кажется таким нереальным.

– Она спит. Я не убивал ее, – прерывает он мои мысли скучающим тоном.

– Что ж, ценю это. – Я закатываю глаза, не сдержав свою язвительность.

– Следи за своим гребаным языком, Мэдисон. Это твоя вина. Все это! – Он широко разводит руками. – Ты начала эту чертову войну, когда сбежала в тот день.

– Я? – выпаливаю. – Что, черт возьми, ты несешь? – Во мне закипает ярость. – Ты сделал это. Вы все! Я все еще ничего не понимаю!

– Сколько глав из книги ты прочитала? – спрашивает он, наклоняясь вперед и упираясь руками в колени.

– Книги? – спрашиваю я, откидываясь на подголовник. Мой разум все еще находится в оцепенении.

– Книга, Мэдисон, книга!

– Ой. – Я прочищаю горло. – Думаю, где-то четверть. А что?

– Она у тебя?

– Она лежит сумке у нас дома.

Бишоп наклоняется вперед и стучит по стеклу, отделяющему нас от водителя. Окно тут же опускается. Он приказывает шоферу отвезти нас обратно, назвав точный адрес.

– Вот это да! – качаю я головой, поднимая руки.

Бишоп откидывается на спинку кресла.

– Что? – рявкает он.

– Откуда ты знаешь, где я живу?

Он смеется, натягивая толстовку через голову.

– Котенок, неужели ты думаешь, что я позволил бы тебе сбежать? Я всегда знал, где ты живешь. Эта небольшая пауза была нужна только для того, чтобы ты немного успокоилась.

Подъехав к нашей дешевой квартирке и к бару, я вылезая из машины и захопываю за собой дверь, разбудив Татум.

– Стой!

Бишоп выходит за мной, закрывая дверь. Не обращая внимания на его окрики, я иду к боковой лестнице.

– Мэдисон! – кричит он, его тяжелые шаги становятся все громче и громче. – Ты, черт возьми, остановишься?

Он хватается меня за руку, одергивая назад.

Я вскрикиваю, выдергивая руку из его хватки.

– Можешь оставить меня в покое? Боже! Ты...

Его рука летит к моему горлу, перекрывая мне воздух. Он толкает меня назад, пока моя спина снова не ударяется о кирпичи, встает между моих бедер и поднимает меня в воздух.

– Во-первых, – он усиливает хватку, и я чувствую, что мое лицо вот-вот взорвется, – не забывай, с кем ты, на хрен, разговариваешь. – Он наклоняет голову, глядя мне в глаза. – Во-вторых, Мэдисон, прекращай строить из себя крутую. Я запру тебя в клетке, как только мы вернем тебя в Хэмптонс, если ты не будешь следить за своим чертовым языком.

Он резко отпускает меня, мои ноги ударяются о землю.

– Пошел ты.

Развернувшись, я взбегаю вверх по металлической лестнице, толкаю дверь и направляюсь прямо в свою спальню, борясь с рвущимися наружу слезами. Где, черт возьми, мой папа? Почему именно Бишоп послали меня «забрать»? Неужели я действительно думала, что смогу от них сбежать? Да, я думала, что у меня получится. Я распахиваю шкаф, срываю одежду с вешалок и бросаю ее на кровать как раз в тот момент, когда в комнату входит Бишоп.

– У тебя есть пять минут, чтобы собрать все, что тебе нужно, и вернуться в машину. Попытайся сбежать, – говорит Бишоп, его голос становится ниже, – и я убью тебя сам. Я закончил играть в игры.

Затем он уходит, а я остаюсь в комнате, прижимая к себе темное платье с пайетками, которое я надевала в прошлые выходные, когда все казалось мне таким простым. А сейчас мы снова попались в лапы к моему психопату, кем бы

он ни был. К бывшему? Нет. Это звучит неправильно.

– Господи, – бормочет Татум, входя в комнату с растрепанными волосами. Она проводит ладонью по лбу. – Что, черт возьми, случилось?

– Ты потеряла сознание, – бормочу я, все еще злясь на Бишопа и запихивая одежду в чемодан. – И у тебя есть пять минут на сборы, прежде чем Бишоп увезет нас обоих.

– Я его слышала. – Ее глаза расширяются. – Значит, он нашел нас, да?

Я усмехаюсь и иду в ванную за зубной щеткой.

– Нет, он нас никогда и не терял.

Глава 7

Возвращение в Хэмптонс оказалось не таким плохим, как я ожидала. Несмотря на то что Бишоп весь полет отказывался даже смотреть в мою сторону, впервые за долгое время я чувствовала необъяснимое спокойствие. Необходимость прятаться утомляет. Придумывать псевдонимы и новую внешность... Я устала от этого. Хотела ли я, чтобы нас поймали? Нет. Но в то же время я чувствую облегчение, как будто все закончилось.

Или только началось.

Спустившись со ступенек трапа, я хватаю Татум за руку и тащу ее вперед.

– Ой! – вскрикивает она. – Боже, Мэди, аккуратнее!

– Что будем делать, Тат? – шепчу я, когда мы направляемся к ожидающему нас черному лимузину. – Seriously, что если они нас убьют?

Она закатывает глаза, высвобождая руку из моей хватки.

– Мэдисон, они не собираются тебя убивать. Ты драматизируешь. – Она пристально смотрит на меня, и я прищуриваюсь. – Черт, – выдыхает она. – Хорошо, хорошо. Обещаю, что если они решат это сделать, я не сдамся без боя. Довольна?

– Татум. – Я качаю головой.

– Поехали.

Бишоп подталкивает меня к лимузину. Я огрызаюсь на него, хватаясь за ручку дверцы как раз в тот момент, когда к нам подлетает черный «Ауди Q7» и останавливается рядом в облаке дыма. Я отмахиваюсь от пыли и щурюсь.

– Черт возьми, – ругается Бишоп, толкая меня за спину.

– Не-а! – лает голос за облаком.

Я знаю этот голос.

– Нейт! – кричу я и бегу к облаку пыли, прямо в его объятия.

На нем его фирменная красная бейсболка, повернутая назад. Никогда еще я не была так чертовски рада видеть эту дурацкую кепку. Крепко обняв, он приподнимает меня над землей, и я обхватываю его ногами.

– Привет, котенок, как дела? – Он прижимает меня к себе.

– Плохо, – честно отвечаю я.

Я не осознавала, как сильно скучала по Нейту, пока не услышала его голос. Не знаю, справедливо ли то, что я прощаю его, а не Бишопу, но все же Нейт не угрожает моей жизни по сто раз за день.

Нейт отступает назад и берет меня за руки.

– Так было нужно, сестренка. Ты это знаешь. – Он смотрит мне в глаза. – Верно?

Я прикусываю нижнюю губу.

– Слушай, все изменилось. Если бы за тобой не приехал Бишоп, это сделал бы кто-то другой, только домой ты вернулась бы не в кресле самолета, а в деревянном ящике.

Я выдыхаю.

– Я просто... я... я думаю, нам есть о чем поговорить.

– Да. – Нейт улыбается, но его взгляд остается серьезным. – Думаю, да. Он смотрит прямо через мое плечо и усмехается. – Ой, да ладно тебе.

Я бросаю взгляд через плечо и вижу, как Бишоп сверлит Нейта глазами. Он тянет меня за руку и указывает на свою машину.

– Садись. – Затем он смотрит на Татум. – Ты тоже!

Татум презрительно фыркает и топает к машине. Сдвинув сиденье, я позволяю ей проскользнуть назад, а затем возвращаю кресло на место и сажусь вперед. Когда я закрываю дверь, она шепчет у меня за спиной:

– Как ты думаешь, что сейчас происходит?

– Не знаю, – отвечаю я, наблюдая за разговором Нейта и Бишопы. – Точнее, знаю, но совсем немного. По крайней мере сейчас.

Я замолкаю, думая о Книге. Они знают, что она все еще у меня. Разрешат ли мне ее дочитать? Или они собираются и дальше скрывать от меня правду?

Да. Я все еще им не верю. Все это кажется таким запутанным, но я еще ни разу не сдавалась без боя. Настала моя очередь вести игру, а эти мальчики вот-вот станут моими пешками.

Нейт открывает дверцу со стороны водителя и садится внутрь.

– Итак, куда мы едем?

Я пожимаю плечами, наблюдая, как Бишоп садится в лимузин и медленно отъезжает.

– Отвези нас куда-нибудь.

Нейт подмигивает мне, а затем включает заднюю передачу, поднимая новое облако пыли.

– Я знаю подходящее место.

Глава 8

– Почему я не могу пойти? – обиженно стонет Татум и топает ногой, выскочив из машины Нейта.

Нейт указывает на входную дверь.

– Быстро залезай внутрь, женщина! Я займусь тобой в понедельник. В школе!

Я резко поворачиваю к нему голову как раз в тот момент, когда Татум уходит, потерпев поражение.

– Школа? – визжу я. – Нет. Нет, нет и нет! – Я яростно мотаю головой. – Нейт, черт возьми, нет!

– Хей! – Он ухмыляется, включает первую передачу и едет вперед. – Это не мой приказ, сестренка.

– Ой, ничего себе! – кричу я. – А чьи тогда это приказы? Потому что, клянусь богом, Нейт, если ты скажешь, что это Бишоп, то я тебя убью. Не играй со мной, потому что я повидала достаточно смертей и не дрогну, если мне понадобится пустить пулю между твоими хорошенькими глазками.

– Вижу, ты все еще крута.

– Вижу, ты еще не поумнел! – усмехаюсь я, усаживаясь на свое место.

Наступает долгая неловкая пауза.

– Смотри, дело вот в чем. Я понимаю, что ты устала, ты сломлена и у тебя в голове ужасная каша из-за всего случившегося дерьма, но все гораздо серьезнее, чем ты можешь себе представить.

– Ты собираешься рассказать мне, что происходит? – спрашиваю я, смотря прямо на него.

Он отвечает мгновенно.

– Нет.

– Тогда иди на хрен. Мы закончили.

Я наклоняюсь вперед и включаю радио. Тишину заполняет звучание «It's Okay» The Game. О каких приказах он говорил? О приказах Бишопы? Или с тех пор как я сбежала, произошло что-то еще? Все это время папа со мной не связывался. Знал ли он, что Бишоп будет меня преследовать? Если то, что сказал Бишоп, правда и если он действительно знал, где я находилась, почему он ни разу не воспользовался случаем и не поймал меня? Как обычно, ничего не понятно. Прислонившись головой к прохладному окну, я закрываю глаза и пытаюсь думать о более счастливых временах.

– Мэдисон! Не трогай это! – ругает мама, отталкивая мою руку от красивой синей глазури.

– Почему? Я хочу есть! – спрашиваю я, снова потянувшись за тортом.

– Потому что это не для тебя, и ты должна научиться быть терпеливой.

– Но чей это торт? – не отстаю я, склонив голову.

Я всегда считала свою маму красивой. У нее были длинные каштановые волосы и добрые карие глаза. Папа говорит, что у меня его глаза, потому что они зеленого цвета, но я думаю, что у меня мамины глаза – они так же сверкают на солнце.

– Мэдисон. – Мама улыбается, глядя через мое плечо. – Дорогая. – Ее руки легли мне на плечи. – Я хочу, чтобы ты кое с кем познакомилась.

– Хорошо, но с кем?

Я уже не была маленькой девочкой. Скоро мне должно было исполниться пять. Я была достаточно взрослой, чтобы пойти в школу.

– Мэдисон! – Нейт отрывает меня от воспоминаний.

Я поворачиваюсь к нему лицом, вытирая со щек слезы.

– Да?

– Все хорошо? – спрашивает он, глядя то на меня, то на дорогу.

– Я буду в порядке.

Я не буду в порядке.

Мы подъезжаем к нашему дому, и я поворачиваюсь на сиденье к Нейту. Глядя ему в глаза, я улыбаюсь.

– Знаешь... вы, мальчики, не очень-то мне нравитесь.

Он прижимает руку к груди в притворном оскорблении.

– Правда? – Он задыхается, его глаза широко раскрыты. – Кто бы мог подумать?

– Заткнись, – толкаю я его. – Зайдешь домой?

– У меня есть кое-какие дела. Я буду дома чуть позже.

– Оставишь меня объясняться с родителями один на один? – спрашиваю я, осматривая современный кирпичный дом. Дом, который я и правда могу назвать домом.

– Извини, сестренка, но... – кричит он вслед, когда я выхожу из машины. – Если тебе понадобится алиби или что-то в этом роде, скажи, что я твой парень.

Я закатываю глаза и захлопываю за собой дверцу. Если мне и понадобится алиби, то только для него и его стаи, а не для наших родителей. Выдохнув, я подхожу к дому и толкаю входную дверь. В нос ударяет знакомый запах дезинфицирующего средства, живых цветов и старой древесины.

– Привет! – кричу я, закрывая за собой дверь и бросая на пол сумку.

– Мэдисон? – кричит Елена, выходя из кухни и вытирая руки. – Боже мой! – Она бросается ко мне и прижимает к груди. Моя шея моментально намокает от ее слез, и я чувствую себя слегка сбитой с толку.

– Ты в порядке? Где ты была? Что случилось? – Кажется, она в панике, ее руки бегают вверх и вниз по моим рукам. – Боже, Мэдисон, мы с твоим отцом ужасно волновались!

Я в полном замешательстве. Ей никто ничего не сказал? Даже Нейт?

– И-извините, – бормочу я, не зная, с чего мне следует начать. Чертов Нейт, даже не успел меня предупредить.

– Извините? – визжит она, проводя руками по моим щекам. – Я чуть с ума не сошла, Мэдисон. И твой отец тоже. Давай принесем тебе чего-нибудь поесть.

Я иду за ней на кухню, выдвигаю один из табуретов и сажусь. Она открывает холодильник и достает несколько мясных нарезок.

– Хочешь поговорить об этом?

Покачивая головой, я отвечаю:

– Нет. Простите. Не сейчас. Где мой папа?

Приготовив сэндвич, она разрезает его пополам и пододвигает ко мне тарелку.

– Он скоро будет дома. Я позвоню ему и скажу, что ты вернулась.

– Хорошо, спасибо.

Взяв бутерброд, я откусываю небольшой кусочек и медленно пережевываю. Сухой хлеб и салат не лезут в мое пересохшее горло, так что я слезаю с табурета, подхожу к холодильнику и достаю упаковку с апельсиновым соком. Закрыв холодильник, замечаю на дверце записку, написанную на каком-то незнакомом иностранном языке. Думаю, это латынь. Я смутно припоминаю, как в одной из старых школ друг рассказывал мне о латыни: слова выглядели похожими. Почему на нашем холодильнике висит записка на латыни? Это мертвый язык, им больше никто не пользуется, что делает записку еще более абсурдной. Было бы логичнее, если бы она была написана на японском.

Сняв листок с магнита, я читаю причудливую формулировку.

Saltare cum morte solutio ligatorum inventae sunt in verbis conectuntur et sculptilia contrivisset in sanguine et medullis.

Вытащив из заднего кармана телефон, я ввожу текст в Google Translate.

Загадки танцуют со смертью, когда слова начертаны кровью и высечены в мозгу.

Прочитанное потрясло меня. Почему это висит на нашем холодильнике? Почему именно сегодня? Я верчу записку в руках, изучая обратную сторону. Бумага свежая, чернила яркие. Она совсем не выглядит старой, и...

– Мэдисон, твой отец уже едет домой.

Входит Елена, и я быстро сую записку в задний карман.

– Хорошо! – улыбаюсь я.

Она указывает на мой бутерброд.

– Поешь.

Съев сэндвич, я поднимаюсь по лестнице и направляюсь в свою комнату. Толкнув дверь своей спальни, останавливаюсь на пороге. Все выглядит так же, как и до моего отъезда. Кровать с балдахином стоит на обычном месте, сетчатые шторы все так же закрывают выход на балкон, а телевизор все еще стоит на комод у изножья кровати. Зайдя в гардероб, снимаю несколько вешалок и бросаю их на кровать. Я знаю, мне нужно разобрать вещи и вернуться к своей обычной жизни, но у меня есть план, который необходимо воплотить в жизнь, и для него мне потребуется много времени и подготовки.

Вытряхнув вещи из сумки в корзину для грязного белья, я убираю волосы с лица как раз в тот момент, когда что-то рядом со мной падает на пол. Я наклоняюсь, скользя пальцами по потертой коже и выгравированной на обложке эмблеме. Прикусывая нижнюю губу, поднимаю Книгу, перелистываю страницы и возвращаюсь к своей кровати. Каким бы ни был мой план, я должна дочитать Книгу – или дневник, или предсмертную записку. Это ключ ко всему, я это знаю.

Пролистывая страницы, я натываюсь на главу, которую собиралась закончить после того, как узнала о Серебряных лебедях.

9.

Серебряный лебедь

По правде говоря, я не знаю, что мой муж сделал с моей дочерью. Он сказал, что девочки испорчены. В его плане нет места девушкам, и так будет всегда. Он сказал, что они продадут девушек, но что-то в этом вызывало во мне сомнения. Мой муж был лжецом, мошенником и манипулятором. В нем не было ничего, чему бы стоило верить.

Позже той ночью, после того как горничная помогла мне привести себя в порядок, Хамфри вернулся в пещеру, сел рядом со мной и сказал:

– Согласно нашему уставу, девочки не могут появляться на свет, жена. Они слабы от природы. О них нужно заботиться с момента их рождения.

– Ты не Бог, Хамфри. Невозможно решить, кто родится на свет.

– Нет, – просто ответил он. – Но я могу об этом позаботиться.

Я покачала головой, мое сердце разбивалось на куски, а жизнь превратилась в мрачную, беспросветную тьму.

– Серебряные лебеди не родятся ни в этой семье, ни в любой из первых девяти. Они будут уничтожены.

– Серебряные лебеди? – спросила я раздраженно и резко.

– В старину Серебряными лебедями называли тех, кто был запятнан. Каждая девочка, которая родится от первой девятки, – запятнанное существо. Ей здесь не место.

– Хамфри Хейнс! – произнесла я, пытаюсь успокоить свое бешено бьющееся сердце.

Я наклонилась к нему, медленно приближаясь до тех пор, пока мои губы не оказались у самой его щеки.

– Ты убил нашу дочь?

Он поднял на меня свои холодные мертвые глаза и усмехнулся дьявольской ухмылкой, от которой у меня скрутило живот.

– Да. И я сделаю это с каждой девочкой, рожденной в этой семье. Женщинам нет места в нашем роду.

Я отступила назад, мое сердце замерло в груди, а из глаз полились слезы.

– Я... я... – прошептала я, потеряв дар речи от того, как бессердечно Хамфри говорил о нашем ребенке. Мое сердце разорвалось надвое. – Я должна уйти.

Я выбежала в лес, листья и ветки закрывали от меня полную луну. Опустившись на колени, я позволила своим слезам излиться наружу, мое горе оказалось сильнее меня. Я плакала, тоскуя по дочери, которую никогда не узнаю.

Я втягиваю воздух, захлопывая Книгу. Он убил ее? А остальные Серебряные лебеди? Почему? Почему я все еще жива? Есть ли еще такие, как я?

Стук в дверь вырывает меня из безумных мыслей.

– Войдите.

Дверь открывается, и я вижу стоящего на пороге папу, засунувшего руки в карманы брюк.

– Хочешь снова сбежать? – спрашивает он, наклонив голову.

– Ты собираешься быть со мной честным? – парирую я.

Он входит в комнату и закрывает за собой дверь. Папа выглядит все так же – молодой, подтянутый, с проседью на висках.

– Мэдисон, я не смогу ответить на все вопросы, которые ты собираешься задать.

Я опускаюсь на колени.

– Что это значит? Папа, я доверяла тебе.

– Мэди, – шепчет он, качая головой. – Этот мир... он очень сложен.

– Я Серебряный лебедь?

Его брови тревожно нахмуриваются.

– Да.

Он садится на мою кровать и смотрит на Книгу.

– Ты много прочитала?

Я следую за его взглядом и киваю.

– Не очень. Они убивают девушек? Так почему я все еще жива?

Он смотрит на меня, не поворачивая головы.

– Потому что я должен был охранять тебя, Мэдисон. Мы с твоей мамой очень тебя любим.

– Смерть мамы... – шепчу я, – она умерла так, как мне сказали?

Папа смотрит на меня.

– Нет. Это гораздо сложнее.

– Что? – кричу я, вскакивая с кровати. – Скажи мне!

– Мэдисон! – В голосе отца слышны авторитарные нотки. – Я расскажу тебе то, что посчитаю нужным. Чтобы узнать остальное, тебе придется подождать. Ты поняла?

На секунду он закрывает глаза и встает с моей кровати. Затем касается моей щеки.

– Я люблю тебя, Мэдисон, но тебе не нужно в это соваться. Просто позволь мне и Королям с этим разобраться. – Он наклоняется так близко, что его глаза оказываются прямо напротив моих. – Ты понимаешь, о чем я говорю?

Я понимаю, что он говорит, но ни за что не собираюсь сидеть в неведении и сложа руки. Не как в прошлый раз. Но я киваю, потому что папа не должен об этом знать – во всяком случае сейчас.

– Да. Я понимаю.

Я сглатываю сквозь ком в горле. Он кивает, легкая улыбка расплзается по его лицу.

– А теперь отдохни, чтобы утром поехать в школу.

Он идет обратно к двери и рывком ее открывает.

– Кстати, Мэдисон... – добавляет он, глядя на меня через плечо. – Елена ничего не знает. Она думает, что ты сбежала из дома на пару месяцев. Я хочу, чтобы она и дальше так думала.

– Конечно, – шепчу я. – Спокойной ночи, папа.

Он уходит, закрыв за собой дверь. Я захожу в гардеробную и вытаскиваю пижаму, прежде чем проскользнуть в ванную и щелкнуть замком со стороны комнаты Нейта. Оказавшись под потоком горячей воды, я стираю с кожи воспоминания о последних двух месяцах.

Глава 9

– И что сказал твой папа? – спрашивает Татум, слизывая с кончиков пальцев сок от апельсина.

Наше возвращение в школу оказалось куда менее странным, чем я ожидала. Элли как будто никогда не существовало. Словно все просто не заметили, что она исчезла или умерла. Было ли им что-то известно? Конечно, нас не было пару месяцев, но в такой маленькой школе новость о смерти должна была продержаться гораздо дольше.

– Он мало что сказал. Только попросил меня ничего не рассказывать матери Нейта.

Татум делает паузу.

– Почему? Эй, слушай... – Она наклоняется ближе, удостовераясь, что нас никто не услышит. – Что, черт возьми, происходит? Ты же знаешь, что можешь мне доверять, Мэди.

Я знаю, что могу, с Татум это никогда не было проблемой. Я готова доверить ей свою жизнь, но в этом и заключается проблема – именно таких людей вам хочется защитить больше всего. Рассказав ей обо всем случившемся... я лишь подвергну ее жизнь опасности.

– Я знаю, Тат, – шепчу ей в ответ. – Если бы у меня была возможность, я бы рассказала тебе все, что знаю, но я не могу.

– Не можешь или не хочешь? – огрызается она.

– Не хочу! – парирую я, откидываясь на спинку стула. – А теперь...

– Мэди?

Я поворачиваюсь назад.

– Картер? Привет! – улыбаюсь я, поднимаясь со стула.

Он прижимает меня к своей груди.

– Где ты была, малышка?

Я не могу не обратить внимания на глубокий вздох, который он выпускает прямо мне в макушку.

– Кутила, – улыбаюсь я, отстраняясь от его объятий.

– Ах, вот оно что! – усмехается он. – Это совсем не удивительно.

– Да, – отвечаю я, стараясь не обращать внимания на то, как все молча на нас пялятся. – Думаю, да.

Глаза Картера скользят по моему плечу, и улыбка сползает с его лица.

– Ладно, я тебе напишу.

Я слегка поворачиваю голову, не встречаясь глазами с группой позади меня, а затем снова смотрю на Картера.

– Хорошо, мой номер все тот же.

Он кивает и снова прижимает меня к груди. Я вздыхаю.

– Эй, – шепчу я ему в грудь. Он замолкает, и я понимаю, что он меня услышал. – Ты в порядке?

Он выдыхает так сильно, что его грудь ощутимо расслабляется. Он немного ослабляет объятия, а затем прижимает меня с новой силой.

– Я тебе напишу.

Не переставая улыбаться, он все же немного опускает глаза, прежде чем развернуться и направиться к выходу.

Я стою на том же месте, не желая поворачиваться и возвращаться, потому что знаю, что, как только это сделаю, мне предстоит столкнуться с Королями. Снова начнутся шепот, сплетни и переглядывания. Все как в первый день, только теперь Элли не будет подливать масло в огонь. Выдохнув и слегка закатив глаза, я оборачиваюсь – и сталкиваюсь с глазами Бишопы. Глубоко вздохнув, чувствую, как он контролирует меня одним взглядом. Все перестает существовать всякий раз, когда он оказывается рядом, и это неописуемо меня бесит. Я ненавижу то, что не могу контролировать свое тело, просто находясь с ним в одной комнате. Направляясь к мальчикам, я стараюсь внутренне обуздать все свои чувства.

Подойдя к Нейту, я хлопаю его по плечу.

– Можно с тобой поговорить?

Он тут же поворачивается ко мне лицом.

– Да, ты в порядке?

Я прикусываю нижнюю губу и наклоняю голову, не обращая внимания на прожигающий меня взгляд Бишопы.

– Думаю, да.

– Что случилось? – спрашивает Нейт, засунув руки в карманы.

Я смотрю на остальных Королей, и Нейт, проследовав за моим взглядом, улыбается и слегка наклоняет голову.

– Сестренка, эти парни знают гораздо больше, чем ты можешь себе представить. Можешь говорить при них.

– Ага, – бормочу я, глядя на Нейта. – Не знаю почему, но у меня появились проблемы с доверием.

Он хитро улыбается.

– Черт, интересно, в чем же тут дело. Я говорил Бишопу, что пугать тебя в лесу – плохая идея...

– Нейт, – огрызается Бишоп у него за спиной. – Я разберусь.

Я сжимаю челюсть.

– Нет, все хорошо. Я уверена, что Нейта будет достаточно. Спасибо.

Не обращая внимания на мои слова, Бишоп подходит ко мне, берет меня за руку и вытаскивает из холла. Шепот и болтовня тут же прекращаются, и, когда мы оказываемся в одном из пустых коридоров, я выдергиваю руку из его хватки.

– В чем, черт возьми, твоя проблема, Бишоп? – кричу я, и мой голос эхом разносится по помещению.

Он открывает дверь чулана и толкает меня в темную комнату.

– Бишоп! – кричу я, но его рука тут же закрывает мне рот, прижимая меня к стене.

– Заткнись, Мэди. Что ты хотела спросить?

Я убираю его руку со своего рта.

– Ты можешь включить свет?

– Нет.

Выдыхая, я прислоняюсь головой к стене.

– Я хочу знать, почему никто не спрашивает об Элли.

Между нами повисает долгое молчание, пока он наконец не начинает говорить:

– Все просто. Элли переехала. Что-нибудь еще?

Он утверждает, что Элли переехала, и никто в этом даже не сомневается? Никто не задает Королям вопросов? Это так похоже на историю с Хейл.

– Да, – усмехаюсь я, внезапно раздражаясь его высокомерию. – Я хочу...

Его грудь прижимается к моей, и я снова врезаюсь в стену. Он прерывает меня, прижимаясь губами к моей шее и мгновенно заставляя мое тело покрываться мурашками. Черт. Мне действительно нужно научиться управлять своими

чувствами, когда дело доходит до Бишоп, или мой план заранее обречен на провал. Я отталкиваю его, хотя внутренне не возражаю против того, чтобы прямо сейчас он оказался между моих бедер. Думаю, сейчас мне бы это понравилось.

– Бишоп, – предупреждаю я, и он тут же впивается в меня с новой силой. – Бишоп, – повторяю я тем же тоном, но уже менее уверенно.

Мои глаза закрываются, дыхание становится сбивчивым.

– Во-первых, – рычит он, не отрываясь от меня, – больше не задавай вопросов. Твоя задача – отвечать на наши. – Его рука скользит по голой коже моего бедра и резко его сжимает – достаточно сильно, чтобы оставить синяк. – Во-вторых, если хочешь что-то узнать, – теперь его мятное дыхание щекошет мои губы, – приходи ко мне. – Он втягивает мою нижнюю губу в рот и слегка ее прикусывает.

Он слегка отстраняется, но я хватаю его за шею и снова притягиваю к себе. Он замирает, его губы не раскрываются навстречу моим, так что я приподнимаюсь и обхватываю его талию ногами.

Шагнув вперед, он прижимает меня к стене, открывая рот, чтобы впустить мой язык внутрь. Он стонет, запустив пальцы в мои волосы, а затем грубо оттягивает их назад.

Он смотрит мне прямо в глаза. Тонкая полоска света из-под двери освещает темную комнату ровно настолько, чтобы я могла видеть его черты.

– Зачем все это было? – говорю я.

– Что именно? – спрашивает он, и я наклоняю голову, разглядывая его темные нефритовые глаза, теперь ставшие почти черными. Его брови сосредоточенно приподнимаются.

– Не знаю, – бормочу я, отводя взгляд.

Он отпускает меня, мои ноги ударяются о пол. Как только он собирается толкнуть дверь, я кусаю губу.

– Бишоп!

– Да? – бормочет он, поворачиваясь и оглядываясь через плечо.

– Почему тебе так нравится меня ломать?

Он слегка ухмыляется, ровно настолько, чтобы я успела заметить ямочку на его щеке.

– Потому что меня возбуждает то, что только я способен собрать тебя по частям.

Его ответ меня ничуть не удивляет.

– Но, – добавляю я, делая шаг вперед, – ты так и не собрал меня до конца. Ты отнимаешь части меня, и с каждым разом я становлюсь все более искалеченной, потрескавшейся и уничтоженной.

Его улыбка ненадолго замирает, но этого недостаточно, чтобы в ней можно было уловить какой-то смысл. Он поворачивается ко мне лицом, его глаза встречаются с моими.

– Быть сломанной – твой единственный шанс выжить, Мэдисон.

Затем он поворачивается и уходит. Дверь за ним закрывается. Я остаюсь в темноте, его слова эхом звучат в моем мозгу. Что, черт возьми, он имел в виду?

Глава 10

Зайдя в дом после долгого школьного дня, я с облегчением бросаю сумку на пол.

– Сэмми?

Входит Сэмми, вытирая мокрые руки висящим у нее на поясе кухонным полотенцем.

– Ах, Мэдисон! – Она бьет меня тыльной стороной ладони. – Где, черт возьми, тебя носило?

Пожав плечами, я повторяю одобренную отцом легенду.

– Я просто решила сбежать.

Зайдя на кухню, я открываю холодильник и начинаю доставать все необходимые ингредиенты для жарки сэндвичей. Сэмми входит за мной и останавливается, прислонившись к дверному косяку.

– Почему? – спрашивает она, скрестив перед собой руки, словно взволнованная мамочка.

– Не знаю.

Вытащив четыре куска хлеба, я кладу их на тарелку, намазываю маслом и все накрываю ломтиками сыра.

– С кем ты была? – спрашивает она все тем же тоном, недоверчиво на меня глядя.

– Эм... С Татум. Мы просто решили попутешествовать. Я злилась на папу и не хотела возвращаться домой. Seriously, Сэмми, я в порядке.

Для большего эффекта я изображаю совершенно фальшивую улыбку.

Сэмми отталкивается от дверного косяка, всплеснув руками.

– Est? pido jodido[4 - Глупая шалавая (исп.).] девчонка!

Переверачивая сэндвичи, я поднимаю брови, глядя на ее удаляющуюся спину.

– Что? Ты обзываешься, Сэм? – передразниваю ее я, прекрасно зная, что она меня не видит.

Она все еще бормочет что-то по-испански, когда на кухню входит Нейт, а следом за ним – Бишоп. Отлично, мой аппетит точно будет испорчен.

– Как дела? – Нейт притягивает меня к себе, нежно целуя в голову. – О, вкуснятина. – Он наклоняется и хватает бутерброд прямо со сковороды.

Я бью лопаткой по тыльной стороне его ладони, но уже слишком поздно – он с улыбкой жует мой восхитительный высокоуглеводный шедевр.

– Да пошел ты, Риверсайд. – Я оглядываюсь через плечо и саркастически любезно улыбаюсь Бишопу. – Не хотите ли еще один, мне ведь все равно придется делать новую порцию?

Я переворачиваю сэндвич и кладу его на тарелку. Возвращаясь к кухонному столу, я смотрю на Бишопу и замечаю, что он мне так и не ответил.

– Эй? Ты хочешь сэндвич или нет?

Он не отвечает, продолжая молча на меня смотреть.

– Снова этот взгляд? Я думала, этот этап уже пройден.

Я ставлю тарелку на стол и пододвигаю к нему. Не обращая внимания на странное поведение Бишопу, я достаю еще пару ломтиков хлеба и повторяю процесс.

– Вопрос. – Бишоп откашливается, наконец нарушив тишину.

Я смотрю на него, слизывая сыр с большого пальца.

– Да?

– Черт возьми, не делай этого.

– Не делать что? – улыбаюсь я, не отрываясь от своего большого пальца.

Его челюсть сжимается.

– Если только ты не хочешь, чтобы я сделал это с тобой прямо здесь, пока Нейт в соседней комнате.

– Придумай угрозу получше.

Я закатываю глаза, возвращаюсь к плите и кладу сэндвич на сковороду.

– Так что за вопрос? – Я слегка оборачиваюсь и смотрю на него через плечо.

Он берет сэндвич и откусывает.

– Что ты знаешь о своей матери?

Я делаю паузу, шаря по кухонным ящикам в поисках бумажных полотенец.

– Аааа, так она все-таки была моей мамой? – саркастически отвечаю я. – Я знала о ней все, что только можно было знать, – во всяком случае то, чем она со мной делилась. А что?

Он качает головой.

– Сейчас это не имеет значения.

Я закатываю глаза, выключаю плиту и выкладываю блюдо на новую тарелку. Подойдя к барному стулу, усаживаюсь на него и приступаю к еде.

– Тогда зачем спрашивать?

Он пожимает плечами, и, как только я собираюсь задать еще один вопрос, на кухню входит Нейт – как обычно, без верхней одежды и в заправленной в джинсы рубашке.

– О чем это мы разговариваем? – ухмыляется он, присаживаясь на стул рядом со мной.

– Ой, знаешь, о всякой ерунде.

Я жадно откусываю большой кусок сэндвича.

– Ой! – Я толкаю Нейта, прикрывая рот рукой, чтобы из него не вывалилась еда. – Забыла спросить. Ты что-нибудь слышал о Тилли?

Нейт осматривает кухню.

– Не? Ничего после истории с хижинкой.

Нейт тоже ничего о ней не слышал? Это странно. То, что Ридж не мог ее найти, выглядит странным, но тот факт, что даже Нейт не держал ее на расстоянии вытянутой руки в качестве удобной игрушки, заставляет меня по-настоящему задуматься.

– Это странно.

Я кладу бутерброд на тарелку.

– Почему? – одновременно спрашивают Нейт и Бишоп.

Я лезу в карман и достаю телефон, набирая номер Риджа.

– Потому что Ридж тоже ничего о ней не слышал, и она так и не вернулась домой из хижинки.

– Это было два месяца назад, – бормочет Нейт, нахмутив брови.

– Точно.

– Я высадила ее у дома, и она так мне и не ответила, поэтому я к ней больше не совался, – добавляет Нейт, погруженный в свои мысли.

Я набираю номер Риджа и подношу телефон к уху.

– Хей!

– Ридж?

– Да, кто это?

– Извини, – бормочу я, понимая, что так и не отправила ему свой номер. – Это Мэдисон.

– Ой! – Он кажется удивленным. – Привет.

– Ты узнал что-нибудь о Тилли?

– Ты ничего не слышала? – спрашивает он приглушенным тоном. На фоне слышны гудки автомобилей и тихая болтовня.

– Не слышала о чем? – спрашиваю я, чувствуя, как колотится мое сердце.

Боже, пожалуйста, нет.

– Она считается пропавшей без вести. Она ни с кем не связывалась, и никто не знает ее местонахождение.

– Что? – Я смотрю на Нейта, который пристально за мной наблюдает.

Он выглядит обеспокоенным, я вижу это по его глазам.

– Мне ничего не сообщили, потому что последние пару месяцев меня не было в стране.

Я кладу телефон на стол и включаю громкую связь.

– Ты на громкой связи, и здесь Нейт с Бишопом, ты не против?

– Да, без проблем, – усмехается он, хотя явно не слишком впечатлен.

– Можешь рассказать нам все поподробнее, пожалуйста? – умоляю я его, отодвигая тарелку из-за внезапно пропавшего аппетита.

– Ну, Нейт подбросил ее до дома после вашей поездки. После этого она заболела и не выходила на улицу еще несколько недель. Я навещал ее пару раз, она была очень бледной, ее постоянно тошнило, и она выглядела очень... нездоровой. Так или иначе, когда я видел ее в последний раз, она вела себя чертовски странно. Ей всегда нравились наши встречи.

Я смотрю на Нейта, не в силах упустить такую возможность. Ухмыляясь, я говорю:

– Ты имеешь в виду ваш секс?

Нейт бросает на меня злобный взгляд. Я уже не пытаюсь скрыть улыбку.

– Ага... – бормочет Ридж. – Да... она рассказывала тебе? – спрашивает он.

– Да, и все-таки что же случилось?

Бишоп выдвигает барный стул рядом со мной, задевая меня бедром. Я слегка вздрагиваю, снова злясь на себя за то, как сильно мое тело отзывается на простую близость, не говоря уже о его чертовом прикосновении.

– В тот раз она выгнала меня из дома, и больше я ничего о ней не слышал. Ее отец сказал, что она уходила с чемоданом и взяла его машину. Пару дней спустя они нашли его автомобиль на автомагистрали между штатами, но Тилли в ней не было, и ключи остались внутри. След уже остыл, и найти ее было невозможно. Она не использовала банковские карты или что-то в этом роде. Она просто испарилась.

У меня в горле образовался ком.

– Почему она сбежала? – шепчу я растерянно.

Как она могла уехать и даже не оставить записку? Конечно, если бы она прислала мне сообщение, я бы все равно его не увидела – у меня не было

телефона, – но в чем же все-таки причина?

– Ридж, – начинаю я, пытаюсь собраться с мыслями. – С кем еще она тусовалась?

– Ни с кем. Либо со мной, либо с тобой и Татум.

– Хорошо, – бормочу я. – Что я могу сделать?

– Мы почти бессильны. Я перепробовал все. Сейчас мы можем только надеяться на то, что она вернется домой.

– Хорошо. Спасибо, Ридж. Если я что-нибудь узнаю, то сразу же тебе позвоню. Я могу ждать от тебя того же?

– Да.

Повесив трубку, я поворачиваюсь лицом к Бишопу.

– Что мне делать?

Бишоп смотрит на Нейта, и я замечаю, как они переглядываются. Медленно ко мне приходит осознание. Мое лицо каменеет.

– Клянусь Богом, если вы двое хоть как-то с этим связаны, я вас убью.

– Мы не имеем к этому никакого отношения, – говорит Нейт, направляясь к раковине и наполняя стакан водой. Он поворачивается к нам лицом, опираясь на кухонную стойку. – Но все это чертовски странно.

– Странно, черт возьми? – усмехаюсь я, вскакивая на ноги. Рука Бишопы касается моего бедра, и я бросаю на него взгляд, прежде чем снова повернуться к Нейту. – Это мягко сказано.

– Просто не вмешивайся, – произносит Нейт, качая головой. – Она явно не хочет, чтобы ее нашли.

Мои плечи обреченно сникают.

– Наверное. Но почему она не пришла ко мне, если ей нужна была помощь?

– Кто знает, что движет людьми, котенок? – Нейт подходит ко мне и целует меня в лоб. – Мне нужно бежать.

Я наблюдаю за тем, как Нейт покидает кухню, прежде чем перевести взгляд на Бишопа.

– Ты не собираешься уходить?

Он качает головой.

– Нет.

– Почему?

Честно говоря, я была бы не против провести некоторое время в одиночестве.

– Хочу спросить тебя кое о чем.

– Кажется, ты всегда хочешь меня о чем-то спросить.

Он встает и идет ко мне. Он прижимает меня торсом и аккуратно заправляет мне за ухо один из выбившихся локонов.

– Ты помнишь что-то о своем детстве?

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Четыре.

Четыре.

– Нет, – отвечаю я, не меняя позу и выражение лица.

Бишоп прожигает меня темно-зеленым взглядом, стараясь прочесть в моих глазах все то, что я так тщательно скрывала.

– Нет.

Он приближается ко мне, наклоня голову и сужая глаза.

– Ты лжешь мне, котенок?

Лгу.

– Нет.

Он делает паузу, на пару мгновений между нами повисает тишина. Затем он медленно отступает.

– Отлично.

Он поворачивается и направляется к двери.

– Если ты солгала, мне придется тебя наказать.

Затем он исчезает за дверью, словно чертов торнадо, пробудивший во мне целую бурю воспоминаний из прошлого. Воспоминаний, которые я долгие годы пыталась уничтожить. Вопрос из шести слов всколыхнул во мне шесть тысяч чувств, которые я так старалась стереть из памяти. Закрыв глаза, я медленно и глубоко дышу.

Вдох.

Выдох.

Вдох.

Вы...

– К черту все это.

Я подхожу к винному шкафу и достаю бутылку «Джонни Уокера»[5 - «Джо?нни Уокер» (англ. Johnnie Walker) – марка шотландского виски.]. Открутив крышку, подношу горлышко ко рту и делаю большой глоток. Терпкий виски обжигает горло, прежде чем опуститься ниже, забрав с собой все чувства, которые воскресил во мне Бишоп. Мой взгляд падает на скамейку, и мне в голову тут же приходит идея. Кажется, Елена и папа уехали на неделю. Ухмыляясь, достаю телефон. Я еще не устраивала вечеринку, а поскольку Нейт организовывал тусовки уже несколько раз, то думаю, я имею на это право. Разблокировав телефон, я смотрю на время. 19:45. Идеально. Я набираю Татум, и она берет трубку после второго гудка.

– Да-а-а?

– Тат?

– Да, крошка. Как дела?

– Вечеринка у меня дома.

Это сразу же ее воодушевляет.

– Что? Когда?

– Ты приезжай сейчас. Остальные могут прийти в любое время после 22:00. Сообщи всем.

– Я все устрою, ты же знаешь, – отвечает она.

Я представляю, как сейчас она сидит, покачиваясь на стуле в приятном волнении. Я делаю новый глоток виски и ухмыляюсь.

– До скорого.

Повесив трубку, я кручу телефон между пальцами и слушаю, как на фоне громко тикают часы. Мое дыхание становится прерывистым, поэтому я делаю глубокий вдох и закрываю глаза.

Это нереально. Ты здесь, взрослая, у себя дома. Ты дома. Здесь безопасно, здесь тепло. Это нереально.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Четыре.

Четыре.

– Почему я тебе не нравлюсь? У тебя сегодня день рождения. Ты должен быть счастлив, – шепчу я злобному мальчишке в песочнице.

– Потому что ты отвратительная. Потому что ты все портишь. Потому что я чертовски тебя ненавижу.

– Это плохое слово, – тихо отвечаю я, хотя больше всего на свете хочу разрыдаться. Я сглатываю, несмотря на отказ, и все равно протягиваю мальчику свою лопату.

– Мне не нужна твоя мерзкая лопатка. Почему, черт возьми, ты думаешь, что я возьму ее после того, как ты к ней прикоснулась? Ты отвратительна.

Он поднимается на ноги и пинает песок до тех пор, пока колючие песчинки не заполняют мне глаза.

– Ай! – Я кричу, больше не в силах бороться со слезами, льющимися по моим щекам. – Зачем ты это сделал?

– Потому что я чертовски тебя ненавижу! – орет злобный мальчишка, а затем бежит обратно к маме.

Почему он ненавидел меня? Насколько я знаю, я не сделала ничего плохого. Сегодня я встретила его впервые в жизни.

– Брантли! – кричит ему женщина. – Иди сюда сейчас же.

– Эй! – кричу я, стряхивая песок с сарафана. – Тебя зовут Брантли?

– Заткнись, уродка.

– Мэдисон! – зовет меня мама с крыльца.

Она одета в бело-желтый сарафан и держит поднос с маленькими кексами в виде пиратов. Она выглядит прекрасно. Я хотела стать такой же красивой, как она. Я бегу к маме, вытирая с лица слезы. Мамочка не обрадуется, если увидит меня плачущей, а я не хочу доставлять мальчику неприятности. Я не знаю почему, он был не очень хорошим. Я должна хотеть, чтобы его наказали.

– Брантли, – говорит мама, наклоняясь ко мне и держа в руке поднос. – Это Мэдисон.

Брантли, должно быть, старше меня по меньшей мере на пару лет. На нем надета бейсбольная кепка, на лице застыло сердитое выражение. Не знаю почему, но он мне сразу понравился.

– Привет! – Я улыбаюсь, протягивая ему руку. Возможно, если бы я сразу представилась должным образом, я бы понравилась ему больше. Мама всегда говорит, что люди любят хорошие манеры. – Я Мэдисон. Это твои кексы? – Я смотрю на маму. – Это его кексы? Поэтому они синие и поэтому мне нельзя их есть?

Мама нервно смотрит на нас с Брантли.

– Мама? – спрашиваю я снова.

Она начинает ерзать – так она делает всегда, когда нервничает.

– Да, дорогая. Почему бы вам с Брантли не пойти поиграть, пока мы с Луканом не перекинемся парой слов.

Я сбита с толку. Лукан? Переведя взгляд на неизвестного человека, стоящего рядом с моей мамой, я смотрю на черные костюмные брюки, а затем поднимаю голову и обнаруживаю ледяные голубые глаза, загорелую кожу и светлые волосы. Мужчина смотрит на меня сверху вниз липким взглядом, который заставляет меня крепче прижаться к маминым ногам. Он встает передо мной на колени.

– Ну, здравствуй. Ты, должно быть, Мэдисон.

Я киваю, обхватив рукой мамино платье с оборками и прикрывая им лицо.

– Да.

– Я Лукан.

– Привет, Лукан.

Он наклоняется вперед, его глаза щурятся.

– Думаю, я буду звать тебя «Лебедь».

Я втягиваю воздух. Брантли? Какого хрена? Сейчас я хорошо помню тот эпизод. Я вижу все так, словно это было вчера, – это меня немного пугает, потому что до сегодняшнего дня я ничего не помнила. Брантли и я были знакомы? Я была на его дне рождения? Остальную часть дня я припоминаю с трудом. Очевидно, это только малая часть, потому что я смутно помню, как той ночью возвращалась домой с мамой и папой. Так что почти весь день остается темным пятном.

Может, я могла бы спросить об этом у отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Четвертое июля – День независимости США, считается днем рождения Соединенных Штатов как свободной и независимой страны.

2

Созвездие южного полушария неба в форме креста.

3

Телефон, рассчитанный на определенное количество звонков; обычно приобретается для конспирации.

4

Глупая шалавая (исп.).

5

«Джо?нни Уокер» (англ. Johnnie Walker) – марка шотландского виски.

Купить: https://tellnovel.com/dzhons_amo/slomannaya-kukla

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)